

- Д-р Робер Жессэн, Директор центра антропологических исследований, Музей Человека, Париж (Франция).
- Проф. Жан Иерно (научный руководитель), Лаборатория антропологии, Факультет наук, Парижский университет, Институт социологии им. Сольвея, Свободный Брюссельский университет, Брюссель (Бельгия).
- Д-р Яйя Кан (зам. председателя), Служба переливания крови, Институт Пастера, Дакар (Сенегал).
- Проф. Карлтон С. Кун, Университетский музей, Пенсильванский университет, Филадельфия (США).
- Проф. Рамакришна Мукерджи (зам. председателя), Зав. научно-исследовательским объединением социологии, Индийский институт статистики, Калькутта (Индия).
- Проф. Бернард Рениш, Зоологический институт, Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер (ФРГ).
- Проф. Я. Я. Рогинский, Зав. кафедрой антропологии, Московский университет, Москва (СССР).
- Проф. Франсиско Сальзано, Институт естественных наук, Порто Алегре, Рио-Гранде до Сул (Бразилия).
- Проф. Альф Соммерфельт (зам. председателя), Ректор Университета Осло, (Норвегия).
- Проф. Джемс Н. Стюлер (зам. председателя), Отдел антропологии, Мичиганский университет, Энн Эрбор (США).
- Проф. Хишаши Сузуки, Отдел антропологии, факультет наук, Токийский университет, Токио (Япония).
- Проф. Джозеф С. Уайнер, Лондонская школа гигиены и тропической медицины, Лондонский университет, Лондон (Великобритания).
- Д-р В. П. Якимов, Директор Института антропологии, Московский университет, Москва (СССР).

НАБЛЮДАТЕЛИ:

ОТ ГОСУДАРСТВ

- Д-р М. Г. Абдушелишвили, Институт экспериментальной морфологии, Академия наук Грузии, Тбилиси (СССР).
- Д-р Мануэль М. Валье, Географическое общество Лимы (Перу)
- Проф. Уильям В. Грейлих, Зав. отделом анатомии, Медицинская школа, Станфордский университет, Станфорд, Калифорния (США).

ОТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

- Проф. Дэррил Форд (Международный Союз социальных наук).
- Проф. Г. Ф. Дебец (Международный Союз антропологических и этнологических наук).

СЕКРЕТАРИАТ ЮНЕСКО:

- Проф. Андрэ Бертран, Директор отдела социальных исследований.
- Франсиско Бенет, специалист по программам.
- М. Котта, секретарь.

РАБОТА СИМПОЗИУМОВ НА VII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

Помимо разнообразных секций, работа которых была кратко охарактеризована в журнале «Советская этнография», № 6 за 1964 г., на VII Международном Конгрессе антропологических и этнографических наук работали 17 симпозиумов. Для обсуждения на них были вынесены наиболее существенные проблемы антропологии и этнографии, требующие координации исследований в широком масштабе, специфического подхода или вызывающие дискуссии¹. Общие закономерности развития человеческого общества и периодизация его древнейшей истории рассматривались на симпозиуме «Учение Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этногра-

¹ Некоторые вступительные слова на симпозиумах опубликованы в журнале «Советская этнография», 1964, № 4.

фии». На симпозиумах обсуждались такие кардинальные проблемы современной этнографии, как этногенез древних и современных народов; этнографическое изучение города и промышленного поселка; аграрная этнография; взаимоотношения кочевого и оседлого населения. Четыре симпозиума касались этнографических особенностей и историко-культурных связей населения различных областей земного шара: проблемы этнографии и антропологии арктической зоны; проблемы этнографии и антропологии аридных зон; историко-культурных связей тихоокеанского бассейна; Карпатской историко-этнографической общности. Специальный симпозиум был посвящен методике составления историко-этнографических атласов. На четырех симпозиумах рассматривались проблемы народного искусства: рабочий фольклор, классификация устно-поэтических жанров; народные музыкальные инструменты; методика собирательской работы по народному искусству и последующей обработки материалов. На трех антропологических симпозиумах обсуждались такие существенные проблемы, как факторы формирования расовых признаков и принципы расовых классификаций; систематика и номенклатура ископаемых гоминид; проблема грани между животным и человеком.

Симпозиум «Проблемы этногенеза древних и современных народов» открыл Н. Н. Чебоксаров, наметивший во вступительном слове основные вопросы для обсуждения. Он указал, что проблемы этногенеза должны решаться комплексно, с широким привлечением данных смежных наук. Особое внимание он обратил на проблемы современного этнического развития разных народов, формирование современных наций и народностей, подчеркнув при этом специфику этнических процессов в СССР. Во вступительном слове были подвергнуты критике расистские тенденции, проявляющиеся в этногенетических исследованиях некоторых реакционных ученых капиталистических стран.

Выступавшие на симпозиуме советские и зарубежные ученые поддержали основные положения вступительного слова и развили их на конкретных примерах разных народов. В развернувшейся оживленной дискуссии приняли участие ученые разных специальностей: этнографы — В. Дыновский (Польша), П. Влахович (Югославия), С. Бадамхатан (Монголия), В. Н. Белицер, В. Р. Кабо, Л. И. Лавров (СССР); археологи — У. Солхейм (США), Е. И. Круйнов (СССР); антропологи — К. Марк, В. Д. Дьяченко (СССР); лингвисты — И. Дайен (США), Э. Р. Тенишев, Е. И. Убрятова (СССР) и др. Современные этнические процессы у туркмен и в Индонезии охарактеризовали Г. П. Васильева и А. И. Кузнецов.

Участники симпозиума признали целесообразным проводить региональные совещания по этногенезу и этнической истории с привлечением ученых разных специальностей (такие совещания и ранее проводились в Советском Союзе) и поставить вопрос о созыве в ближайшие годы международного симпозиума по проблемам происхождения древних и современных народов.

В связи с бурным ростом городов одной из важнейших задач современной этнографии стало изучение культуры и быта городского населения. Актуальность таких исследований, их большая сложность (особенно в условиях крупного города) и недостаточная разработанность их методики заставили внести в программу Конгресса симпозиум «Этнография города и промышленного поселка». Открывая симпозиум, М. Г. Рабинович (СССР) выдвинул круг проблем, которые желательно было бы обсудить: 1) специфика этнографического изучения города и промышленного поселка; проблематика и методика исследований; 2) особенности этнического состава городов; 3) формирование и особенности быта и культуры городского населения, сочетание в них национальных и интернациональных черт; 4) взаимосвязи города и деревни, роль городского населения в развитии материальной и духовной культуры народа.

Выступавшие на симпозиуме больше всего внимания уделили этническому составу городов и взаимовлиянию разных этнических элементов в становлении и развитии национальной культуры и складывании ее новых форм. Большой интерес в этом плане вызвали выступления О. А. Сухаревой и К. Х. Ханазарова (СССР) о некоторых итогах изучения городов Средней Азии. О. А. Сухарева на примере Бухары показала принципиальное различие этнических процессов в феодальном и социалистическом городе. В феодальный период, наряду с ассимиляцией новых городских переселенцев, создавались условия и для значительной изоляции их отдельных групп, что зависело от национальности, численности и профессии переселенцев; решающую роль при этом играли религиозные различия. Сейчас при бурном росте городского населения, многонационального по своему составу, наблюдается все большее слияние всех прослоек городского населения, в среде которого широко распространяются двуязычие или многоязычие и смешанные браки. Такие же процессы отметил К. Х. Ханазаров в Ташкенте.

Значительное внимание участников симпозиума привлекли также проблемы становления рабочего класса и возникновения промышленных поселков (выступления М. Добровольской — Польша, Х. Н. Гандева — Болгария и др.). Особенно интересным было выступление Р. Френкенберга (Англия), рассказавшего о своем опыте изучения двух горняцких поселков Южного Уэльса и классифицировавшего

разные типы поселений по степени пролетаризации населения. По его словам, ученые Англии уже классифицировали все поселения и сейчас перед ними стоит задача исследования быта крупных городов — Лондона, Манчестера, Ливерпуля. Задача эта очень сложна и, по мнению Р. Френкенберга, решить ее можно лишь в том случае, если будут изучаться небольшие группы городского населения, что даст материал для широких социологических обобщений. Сам Р. Френкенберг при изучении горняков Уэльса пользовался методом непосредственного наблюдения, не прибегая даже к опросу. Многие положения Р. Френкенберга, особо подчеркнувшего необходимость исторического подхода к исследуемым явлениям, нашли поддержку у участников симпозиума, однако большинство выступавших подчеркивали, что при изучении такого сложного явления, как культура и быт городского населения, нельзя ограничиваться только непосредственным наблюдением, а необходимо использовать разнообразные источники.

Методике этнографического изучения городского населения посвятили свои выступления О. Скалшикова (Чехословакия), Х. Н. Гандев (Болгария), Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева (СССР) и др. К. Фойтик (Чехословакия) поделился опытом своей работы в городах Брно и Готвальдов; У. Ньювел (Япония) рассказал о работах, проводимых в Японии; С. Данн (США) познакомил с основными направлениями американской этнографии и социологии в изучении города; Д. Гулик (США) рассказал о проведенных им исследованиях в Триполи (Ливан) и Риме. Социальной топографии городов было посвящено выступление В. В. Покшишевского (СССР).

Дискуссию вызвало выступление А. Данилюскаса (СССР), говорившего на основании изучения декора городского жилища о различном развитии элементов национальной культуры в капиталистическом и социалистическом городе. В ответ на это С. Данн (США) заявил, что человечество везде развивается в одном направлении и социальный строй здесь не имеет значения. Возражая С. Данну, М. Г. Рабинович указал, что различия в культуре социалистического и капиталистического города в области декора жилища проявляются, может быть, и не так ярко, но в других областях, особенно в жилищном строительстве и развитии городского жилища они очень велики.

Участники симпозиума отмечали, что обмен мнений был очень полезным, что симпозиум дал возможность ознакомиться с объемом, методикой и результатами этнографического изучения городского населения, проводимого в разных странах. Почти все выступавшие подчеркивали, что этнографическое изучение города может вестись только комплексно и что на работе симпозиума очень плодотворно сказались участие в нем социологов, философов, географов.

На заседаниях *симпозиума по аграрной этнографии* в основном обсуждались проблемы научно-организационного сотрудничества по изучению земледельческой техники. Объясняется это тем, что европейские ученые, занимающиеся аграрной этнографией, связаны с Копенгагенским центром, созданным в 1952 г. по решению IV Международного конгресса, и неоднократно собирались для обсуждения проблематики и методики совместных исследований. Однако, несмотря на попытки Копенгагенского центра (руководитель — известный шведский этнограф Сигурд Эрикссон), объединить работу по изучению пахотных орудий, сделано до сих пор еще немного. Основная причина этого — отсутствие единой методологии. Многие зарубежные ученые пытаются рассматривать земледельческую технику в отрыве от социально-экономических и географических условий. Поэтому советские ученые — Ю. Ф. Новиков, С. А. Токарев, И. А. Лейнасаре и др. поставили некоторые принципиальные вопросы изучения земледельческой техники, но по их выступлениям дискуссия не развернулась.

Симпозиум выдвинул предложения о собирании сельскохозяйственных орудий, составлении библиографии по пахотным орудиям и терминологического каталога плугов и их частей. Было предложено также созвать в 1965 г. в Швеции или Австрии специальное международное совещание по аграрной этнографии.

Одно заседание симпозиума было совместным с симпозиумом по методике составления этнографических атласов.

Симпозиум «*Взаимоотношения кочевого и оседлого населения*» открылся вступительным докладом Т. А. Жданко (СССР), в котором были поставлены основные вопросы, связанные с изучением этой проблемы: происхождение кочевого скотоводства; сочетание в одной этнической общности кочевых, полукочевых и оседлых элементов; типы кочевания и особенности хозяйственно-бытового уклада кочевников и полукочевников, роль их в политической истории стран Востока; взаимоотношения кочевников и оседлого земледельческого населения на всем протяжении их истории. В докладе была показана ошибочность взглядов на «извечность» борьбы степей и оазисов и отмечено, что если в СССР и таких социалистических странах, как Монголия, проблема кочевничества в результате перехода на оседлость стала преимущественно исторической, то в большинстве стран Азии и Африки она остается еще очень острой, так как в условиях капиталистической экономики кочевые племена переживают глубокий кризис, тяжело отражающийся на их хозяйстве, быте и культуре.

Центральной в работе симпозиума стала наиболее актуальная проблема — современное положение и дальнейшие судьбы кочевников-скотоводов. Ф. Бенет (Испания), Ф. Клаус (Дания), В. Гольдшмидт (США), Д. Але-Ахмад (Иран), И. Николайсен (Дания) и др. характеризовали в своих выступлениях тяжелое положение кочевых скотоводческих племен в странах Азии и Африки и высказали разные точки зрения о возможностях преодоления создавшегося критического положения. Большинство из них полагают, что переход кочевников к оседлости нецелесообразен, что роль их в хозяйственном освоении пустынных пространств очень велика, что они обладают особой, веками сложившейся культурой, ценными навыками, и потому кочевое скотоводство следует сохранять, добиваясь различных правительственных мероприятий по улучшению жизни кочевников, по «модернизации» их хозяйства и быта. В этих выступлениях высказывались ошибочные положения — о неизбежности антагонизма между кочевниками и оседлым населением, о «гибели культуры» при оседании и др., а В. Гольдшмидт пытался даже сопоставить отношение к кочевникам в СССР с отношением к индейцам в США. Все эти выступления были убедительно опровергнуты советскими делегатами.

Большинство зарубежных ученых просили советских делегатов рассказать об осуществлении в Советском Союзе «модернизации» кочевничества, осветить структуру современного животноводческого хозяйства и образ жизни кочевников, сообщить об опыте перевода кочевников на оседлость. Отвечая на эти просьбы, С. М. Абрамзон, Б. Х. Кармышева, Э. Г. Гафферберг, К. Шаниязов, В. Я. Владыкина и др. на конкретных примерах разных народов СССР — бывших кочевников показали пути перехода их на оседлость и охарактеризовали огромные изменения в их хозяйстве, быте и культуре, происшедшие после Великой Октябрьской социалистической революции.

В ряде выступлений взаимоотношения кочевников и земледельцев рассматривались в историческом плане: в выступлении археолога С. С. Черникова о происхождении кочевого скотоводства и его значении в древности; Н. Г. Аполловой о социально-экономических предпосылках завоеваний и миграции кочевников, А. А. Валитовой — о культурном наследии тюркских кочевых племен Средней Азии и Казахстана, У. Шалекиной о взаимоотношениях казахов с народами Хорезма и др.

Руководители симпозиума. «Проблемы антропологии и этнографии аридных зон» — Э. М. Мурзаев и Б. В. Андрианов во вступительном слове поставили на обсуждение вопрос о причинах отставания некоторых народов аридных зон и перспективах их современного прогресса. По их мнению, прогрессивное развитие населения аридных зон зависит от расширения орошаемого земледелия, освоения обширных площадей земель древнего орошения в пустынях, перевода кочевников-скотоводов на оседлость и более интенсивного отгонного животноводства, а также от общего экономического развития этих районов. Уровень современной техники позволяет уже теперь освоить громадные территории пустынь во всех частях света и резко улучшить условия жизни населяющих их народов, так как основные причины все еще сохраняющейся отсталости некоторых групп населения этих областей кроются прежде всего в характере современных социально-экономических условий, в сохранении колониальной и экономической зависимости.

Интересным и содержательным было выступление Л. Крадера (США), который рассказал о работах по изучению населения аридных зон, проводимых специальной аридной комиссией ЮНЕСКО. Он согласился с выводом докладчиков, что «классическое» кочевое скотоводство не имеет жизненных перспектив и кочевники-скотоводы должны жить и трудиться в благоустроенных поселках. Наиболее прогрессивный путь развития народов аридных зон — это объединение в единое целое кочевых, а также и оседлых народов крупных историко-культурных областей (например, как это сделано в Советской Средней Азии). К. Крадер призывал к повсеместному исследованию учеными социальных условий жизни населения аридных зон, возможностей расширения площадей орошения и создания новых центров оседлости.

Дискуссионным и противоречивым в ряде положений было выступление Л. Н. Гумилева (СССР), пытавшегося нарисовать картину эволюции кочевого быта, начиная от неолита. Отсутствие четкой социально-экономической характеристики заставило Л. Н. Гумилева для объяснения сложной истории скотоводческих обществ Азии прибегнуть к вульгарному «географизму»; были у него попытки опозитивировать кочевой быт и сомнения в необходимости расширения площадей орошаемого земледелия. Б. А. Федорович (СССР) выступил с резкой критикой неправильных положений Гумилева и на конкретном этнографическом материале Средней Азии показал, что кочевой быт ушел в прошлое и не имеет перспектив для развития.

Весьма интересные факты и соображения об историческом пути развития обитателей аридной зоны Центральной Америки — индейцах пуэбло — были высказаны индейцем по происхождению делегатом Э. Дозье (США).

Выступление Д. Сильверберга (США) было посвящено практическим задачам улучшения условий жизни в аридных зонах — проблеме топлива и использования специальных установок для преобразования солнечной энергии в тепловую.

О результатах своих полевых исследований 1963 г. в пустыне Эфиопии среди народа афар сообщил канадец Г. С. Савар, который утверждал что афары — «чистые скотоводы» и переключать их на земледелие нецелесообразно; необходимо улучшать традиционные формы хозяйства. Неправильность этого вывода была показана Б. В. Андриановым (СССР), отметившим, что пример соседних с афар народов — скотоводов — показывает, что кочевники могут успешно заниматься орошаемым земледелием.

А. С. Кесь (СССР) на основе комплексных исследований, проведенных Хорезмской экспедицией в пустынях низовьев Аму-Дарьи, показала исторические изменения взаимосвязей человека с географической средой в разные эпохи и динамику орошаемых земель.

На симпозиуме «Проблемы этнографии и антропологии арктической зоны» наиболее значительными были выступления советских ученых: И. С. Довина, рассказавшего о современном хозяйстве, быте и культуре чукчей; И. С. Гурвича — об этнических процессах у народов Севера СССР; А. В. Смоляк — о современном быте и культуре народов Амура и Сахалина; П. Я. Скорика — об эскимосском субстрате у палеоазиатов и др.

Из выступлений иностранных делегатов наиболее интересны были сообщения Б. Йенсена (Дания) о современных гренландцах; Р. Мак-Кенана (США), рассказавшего о тяжелом положении индейцев Аляски; Г. Иессинга (Норвегия) — о саамах скандинавских стран.

Открывая симпозиум «Историко-культурные связи Тихоокеанского бассейна», С. А. Арутюнов указал на своеобразие Тихоокеанского бассейна, не разъединявшего народы (подобно Атлантическому океану), а объединявшего их, и наметил ряд проблем для обсуждения: время и пути тихоокеанских миграций, их значение, транс-пацифические и циркумпафические связи и др.

В центре дискуссии на симпозиуме оказались концепции И. Дайена (США) и Т. Хейердала (Норвегия). Т. Хейердал придерживается теории заселения Полинезии из Америки. И. Дайен, основываясь на данных лексикостатистического анализа, утверждает, что малайско-полинезийские языки возникли не на азиатском континенте, а в Меланезии и что оттуда они распространились по всей Океании и попали в Юго-Восточную Азию.

Д. Д. Тумаркин (СССР) выступил с критикой концепции И. Дайена и привел новые аргументы в подтверждение теории проникновения малайско-полинезийских языков в Океанию из Юго-Восточной Азии. Что касается концепции Т. Хейердала, то Д. Д. Тумаркин допускает, что отдельные плоты с американскими индейцами могли быть занесены в Полинезию. Однако он считает, что пока нет достаточных оснований отказываться от того, что основное ядро ее коренного населения составил морской народ, происходящий из Юго-Восточной Азии и прибывший в Полинезию из западной Океании. По его мнению, окончательное решение вопроса о путях заселения Полинезии станет возможным только после археологических раскопок в Меланезии, которые до сих пор почти не производились.

Т. Хейердал подробно развивал свою концепцию о двух потоках миграций в Полинезию: первом — из Перу, втором — с северо-западного побережья Америки. Он поддержал Д. Д. Тумаркина, говорившего о заселении Меланезии из Юго-Восточной Азии, но высказал мнение, что все полинезийские колонии в Меланезии появились с востока, а не были результатом движения протополинезийцев из Юго-Восточной Азии через западную Океанию.

У. Солхейм (США), основываясь на археологических материалах, говорил, что в Меланезии встречаются два потока — северный, связанный с Японией и Филиппинами (керамика кольцевого налета), и южный — из Юго-Восточной Азии. Он отметил также, что в Эквадоре раскопаны стоянки, керамика которых напоминает керамику Юго-Восточной Азии, а также найдена стоянка, сходная с японскими находками эпохи дзёмон и свидетельствующая о возможности заселения Эквадора из Восточной Азии.

И. Дайен в выступлении охарактеризовал свой метод, в основе которого лежит теория дискретности языка. Возражая ему, А. Коскинен (Финляндия) советовал осторожнее обращаться с термином «генеалогическое дерево», так как каждый язык в своем развитии испытывает влияние многих других языков.

С. Р. Варшавский (СССР) в своем выступлении на многочисленных примерах дрейфов в Америку китайцев, японцев и полинезийцев доказывал возможность достижения Америки из Юго-Восточной Азии через Тихий океан.

Т. Хейердал, согласившись с некоторыми из положений этого выступления, привел многие исторические примеры неудачных путешествий в Полинезию и Америку через Тихий океан с запада — это, по его мнению, не путь для больших миграций. Он считает, что С. Р. Варшавский преувеличивает значение экваториального противотечения; в действительности практическое значение имеют северное и южное экваториальные течения. Он говорил также о плотах, использовавшихся инками еще до прихода европейцев и используемых и сейчас индейцами; эти плоты маневрируют не хуже европейских шхун.

В одном из выступлений Т. Хейердал обратил внимание на данные антропологии — изучение групп крови полинезийцев, которым он занимался в течение 30 лет, свидетельствует о связи населения Полинезии с Южной Америкой, а не с Юго-Восточной Азией. В ответ на это Д. Д. Тумаркин сказал, что факторы крови надо иметь в виду, но делать на их основании этногенетические выводы следует с большой осторожностью, учитывая, в частности, значительную метисацию современных полинезийцев.

Оживленная дискуссия на симпозиуме не привела к единому мнению о заселении бассейна Тихого океана, но она была очень плодотворной, так как дала возможность лучше ознакомиться с различными точками зрения, причем выступавшими приводился и новый, впервые вводимый в научный обиход материал.

На симпозиуме «Карпатская историко-этнографическая общность» речь шла в основном о задачах и программе совместных работ по изучению населения Карпат. Такие исследования в Карпатах уже ряд лет ведутся учеными Польши, Румынии, Чехословакии и Венгрии; о них говорили в своих выступлениях Э. Кутшеба-Пойнарова (Польша), Б. Гунда (Венгрия), Я. Подолак (Чехословакия). Выработаны общие программы сбора материалов по хозяйству и жилищу, скоро должны быть созданы программы и по другим элементам материальной и духовной культуры.

Выступавшие в дискуссиях П. Г. Богатырев (СССР), М. Гавацци (Югославия), К. Г. Гуслистый (СССР), Б. Гунда (Венгрия), Я. Подолак (Чехословакия), М. Попп (Румыния), Э. Кутшеба-Пойнарова (Польша), Б. Копчинска-Яворска (Польша), Б. Филова (Чехословакия), А. Порицкий (СССР), М. Я. Салманович (СССР) говорили о необходимости сотрудничества всех стран, заинтересованных в изучении культуры населения Карпат.

Было решено, что этнографы будут собирать материал по общим программам на своих территориях с тем, чтобы в дальнейшем их обобщить. Должна быть создана и библиография по карпатской проблематике. В организационном отношении это сотрудничество должно осуществляться Международной карпатской комиссией в рамках соглашения между академиями наук заинтересованных стран.

Выступления украинских ученых показали высокий уровень исследований, связанных с карпатской проблематикой. Особенно следует отметить выступления В. Д. Дьяченко, а также П. В. Линтура и А. С. Романца, которые на ярких примерах раскрыли дружественные связи между украинцами и народами Румынии, Польши, Венгрии и Чехословакии, что имеет не только научное, но и политическое значение.

На симпозиуме развернулась острая дискуссия между румынскими учеными и Д. Кранджаловым (Чехословакия), отрицающим участие румынского элемента в заселении и культуре Карпат. Д. Кранджалов не был поддержан ни учеными Чехословакии, работающими над карпатской проблемой, ни другими участниками симпозиума.

На симпозиуме по методике составления историко-этнографических атласов дискуссия велась по следующим принципиальным вопросам: 1) методика сбора материалов для региональных, национальных и общего атласов; 2) принципы картографирования по сетке населенных пунктов или же по административно-территориальным единицам; 3) организация работ по региональным и национальным атласам; 4) организация подготовки общего атласа и связанная с этим деятельность Международной комиссии.

В ходе дискуссии выявились различия в определении задач атласов и принципов их составления. В выступлениях советских ученых С. И. Брука, Д. С. Вардумяна, Г. С. Масловой, М. Г. Рабиновича, С. А. Токарева этнографические атласы (региональные, национальные, общий) рассматривались как ценные источники для исследований, показывающие динамику явлений культуры. Подчеркивалось, что динамичный показ явлений может быть достигнут только благодаря их точной датировке и типологической сопоставимости. Высказывались и другие точки зрения. Так, например, Б. Братанич (Югославия) предложил принять за основу составления этнографических атласов систему картографирования по пунктам. В противоположность этому, в зачитанном докладе Э. Бургшталлера (Австрия) и А. Варањяка (Франция) было предложено составление обзорных карт для общего атласа путем совместной работы экспертов разных стран.

По некоторым основным вопросам методики сбора материалов и принципов картографирования (по сетке пунктов, по административным районам, путем составления обзорных карт) участники симпозиума не пришли к единому суждению, подчеркнув необходимость рассмотрения всех этих вопросов на сессии Международной комиссии и на специальных совещаниях этнографов — представителей разных стран.

На симпозиуме отчетливо выявилось стремление ученых — Б. Гунда, Е. Барабаш — Венгрии и других изучать и картографировать явления культуры в связи с социальными условиями, без чего нельзя понять процессы культурного развития.

Участники симпозиума пришли к общим решениям по таким важным вопросам, как определение основного направления подготовки общего атласа, классификация явлений культуры и др. Все согласилось с тем, что в первую очередь следует картографировать явления материальной культуры, ограничившись вначале наиболее простыми из них, такими, например, как виды пахотных орудий и способы молотбы.

Зарубежные делегаты с большим интересом познакомились с картами подготовленного к печати историко-этнографического атласа «Русские» и неоднократно высказывали пожелания скорейшего его издания.

На симпозиуме по рабочему фольклору особенно живая и интересная дискуссия развернулась по рабочей песне. В. Штейниц (ГДР) в своем вступительном слове, так же как и в докладе на секции «Устное народное творчество», остро поставил вопрос о необходимости дифференцированного подхода к рабочей песне, о необходимости различать песни фольклорные и литературные. По мнению докладчика, современное рабочее поэтическое творчество развивается по закономерностям литературы. Эту точку зрения поддержало большинство выступавших: Х. Штробах (ГДР), К. П. Кабачников, А. К. Мореева, Б. П. Кирдан, В. М. Потявин, Э. В. Померанцева, Н. С. Полищук (СССР) и др. Против нее возражали Д. Неделькович (Югославия), А. М. Новикова, П. Г. Ширяева (СССР), считающие, что рабочие песни варьируют и потому должны рассматриваться как фольклор.

С развернутым сообщением о закономерностях развития русских рабочих песен выступил С. Г. Лазутин (СССР), показавший, что изменения рабочей песни связаны с изменениями в жизни и мировоззрении рабочих. П. Г. Ширяева (СССР) говорила, что песни рабочих в период формирования пролетариата опирались на традиционную крестьянскую песенную культуру, тогда как песни периода массового революционного движения связаны с литературной традицией. Литературной песне в рабочем репертуаре посвятила свое выступление А. М. Новикова (СССР).

В. Е. Гусев (СССР) и В. Штейниц в заключительном слове отметили, что споры частично вызваны нечеткостью терминологии и недостаточной разграниченностью понятий: репертуар, народная песня, рабочая песня, самодеятельная литература и др. Поэтому выработка единой терминологии и методов собирания и изучения рабочего фольклора необходима.

В настоящее время рабочий фольклор привлекает внимание исследователей разных стран: широко занимаются им в Югославии, Румынии, Польше, Чехословакии, ГДР, США. И обмен мнениями по этому очень важному разделу фольклористики на проведенном симпозиуме, несомненно, будет способствовать дальнейшему разветвлению работы по рабочему фольклору в международном масштабе.

Совершенно очевидно, что для фольклористов одной из первоочередных задач международного масштаба является выработка системы классификации фольклора и учет применительно к ней всех фольклорных фондов. Без этого дальнейшее развитие сравнительного изучения фольклора невозможно, и накопленные в одной стране материалы оказываются неизвестными и недоступными ученым других стран. Поэтому естествен тот большой интерес, который вызвал симпозиум по классификации жанров устного народного творчества. Основой для дискуссии послужили вступительное слово В. Я. Проппа (СССР) и доклад К. В. Чистова (СССР) «К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы», прочитанный на заседании секции.

Открывая симпозиум, К. В. Чистов наметил круг проблем, которые желательно обсудить на симпозиуме: принципы определения и выделения фольклорных жанров; проблема соотношения между жанрами в разные исторические периоды, динамика жанров; теоретическая и практическая классификации; уточнение терминологии и др.

Выступавшие зарубежные делегаты много говорили о систематизации жанров народной прозы. Это связано с тем, что в последнее десятилетие многие фольклористы зарубежных стран по призыву «Международного общества исследователей повествовательного фольклора» и «Комиссии по изучению народных преданий» заняты каталогизацией и составлением национальных указателей сюжетов народных преданий. Д. Ной (Израиль) в своем выступлении предложил отказаться от обсуждения теоретических основ классификации, так как, по его мнению, вполне достаточно системы Аарне-Томпсона и решений, принятых Комиссией в Будапеште и Стокгольме, и фольклористы должны работать на их основе.

Заявление Д. Ноя вызвало критические замечания многих выступавших. Большинство признавало, что система Аарне-Томпсона, давно употребляющаяся для описания сюжетного репертуара сказок отдельных народов, имеет практическую ценность и, главное, международную известность, что, однако, совершенно не снимает вопроса о теоретической слабости этой системы, основанной к тому же только на материале европейского и азиатского фольклора (В. Штейниц и Г. Бурде-Шпейдевиндт — ГДР, Г. Хеннингсен — Дания, А. Манкен — ФРГ, В. П. Аникин — СССР и др.). Убедительно показал слабость и ограниченность системы Аарне-Томпсона Е. М. Мелетинский (СССР), который высказал также очень интересные соображения об исторической динамике системы жанров и трансформации некоторых жанров и отдельных произведений.

Другие выступавшие (В. Фойт — Венгрия, В. И. Бараускене — СССР) говорили о проблемах классификации песенных жанров, о системах библиографии и ар-

живной систематизации. В выступлениях А. Манкен, и особенно В. Штейница, В. Е. Гусева, Е. М. Мелетинского, С. Г. Лазутина (СССР) и др. подчеркивалось, что теоретическая классификация должна учитывать поэтическую специфику жанров, их соотношения и т. д. Выступления специалистов по русскому фольклору были удачно дополнены соображениями, связанными со спецификой фольклора некоторых народов СССР (Е. Б. Вирсаладзе — Грузия, Г. У. Эргис — Якутия, Х. Ярмахамедов — Татария, Е. Исмаилов — Казахстан и др.).

Три симпозиума были посвящены существенным проблемам антропологии.

На симпозиуме «Систематика и номенклатура ископаемых форм гоминид» возникли оживленные дискуссии. Из выступлений советских делегатов наиболее интересными были выступления В. В. Бунака и Г. Ф. Дебеца, получившие высокую оценку делегатов Э. Влчка — Чехословакия, Э. Брейтингера — Австрия и других, Г. Ф. Дебец высказал, в частности, предположение, что неандертальская группа должна быть скорее сближена не с *Homo sapiens*, как это делают многие специалисты, а с питекантропами.

С интересными сообщениями выступили делегаты социалистических стран. Так, И. Елинек (Чехословакия) коснулся морфологии и систематизации неандертальских находок и высказал предположение, что на территории Европы неандертальцы существовали одновременно с *Homo sapiens*. Высокую оценку советских специалистов (Я. Я. Рогинский, В. И. Кочеткова) получило выступление Э. Влчка о морфологических признаках неандертальской стадии. В. Стаховяк (Польша) говорил о соотношении темпов развития мозга и материальной культуры.

С большим интересом было встречено выступление Э. Брейтингера (Австрия) о принципах систематики гоминид, которое вызвало оживленную дискуссию по ряду частных вопросов систематики. Крупнейший палеонтолог и антрополог Г. Кенигсвальд (Нидерланды) доложил о результатах пересмотра им морфологических особенностей ранних гоминид и близких к ним существ. О месте в системе классификации новой африканской находки *Homo habilis* говорил Ф. Тобиат* (Южная Африка). С интересным сообщением выступил Х. Миллер-Бек (ФРГ), остановившийся на датировке различных находок гоминид и на геологической периодизации ледникового времени.

Симпозиум показал, что по ряду важных вопросов ученые придерживаются одного мнения. Так, большинство согласно, что европейские «классические» неандертальцы не были предками людей современного типа и что они некоторое время существовали одновременно с *Homo sapiens*. Единство имеется также в отношении числа родов, выделяемых в пределах семейства гоминид, и в отношении места в системе *Homo habilis*.

На симпозиуме «Факторы расообразования, методы расового анализа и принципы расовых классификаций» дискуссии проходили в основном по трем важнейшим проблемам:

- 1) Типологический и популяционистский подход к изучению расы.
- 2) Проблема адаптивности расообразовательного процесса и, в особенности, роль естественного отбора в древнем формировании расовых комплексов.
- 3) Соотношение мономерных и полимерных расовых признаков и значение выработки методов сопоставления данных по тем и другим признакам.

Особое внимание было уделено изучению изолированных популяций. Большой интерес вызвало сообщение И. Швидецкой (ФРГ), изучившей в Вестфалии три группы населения, различного по вероисповеданию. Морфологически все эти группы (и католики и протестанты) оказались весьма близкими, в то время как серологические характеристики существенно отличают католиков от протестантов. Таким образом, в условиях социальной изоляции имело место изменение серологических характеристик, в то время как морфологические сохраняли свою стабильность. И. Швидецкая делает из этого вывод о преимущественном значении морфологической характеристики в выявлении генеалогических взаимоотношений в различных группах по сравнению с серологической.

О локальной изменчивости морфологического расового комплекса сделала сообщение А. де-Диас Унгрия (Венесуэла). Исследовав четыре группы индейцев Венесуэлы, она обнаружила значительное морфологическое разнообразие расового типа при сохранении сходства в распределении серологических свойств. По ее мнению, этот факт свидетельствует о большей достоверности серологических данных по сравнению с морфологическими, поскольку имеются доказательства общности происхождения этих индейских групп.

Вопросу о соотношении морфологических, серологических и дерматоглифических данных было посвящено выступление Г. Л. Хитя. Изучение изолированных племенных групп ираноязычного населения Западного Памира обнаруживает его морфологическую однородность. Серологически некоторые из племен сохранили общую основу, в то время как другие племена отличаются большим разнообразием в распределении серологических факторов. Дерматоглифические же исследования показали большую пестроту вариаций. Г. Л. Хитя приходит к выводу о различной степени влияния изоля-

ций на морфологию, серологию и дерматоглифику исследованных групп, издавна живущих в силу географических условий замкнутыми коллективами.

В развернувшейся дискуссии о типологическом и популяционном подходе к изучению рас в пользу первого высказались В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова (СССР), А. Верцинский (Польша). Исходя из предпосылки о наследовании расовых признаков целым комплексом, сторонники типологического метода считают правомерным расчленение исследованной группы на входящие в ее состав типы и определение типологической принадлежности в индивидуальных случаях.

Большинство же участников дискуссии оказались сторонниками популяционного метода. Наиболее четко их позиция была сформулирована В. П. Алексеевым (СССР), обратившим внимание, что наследование расовых признаков целым комплексом в форме плейотропии или сцепления генов проявляется только в наследовании аномалий или в наследовании признаков, сцепленных с полом. В остальных случаях проявляется независимое наследование расовых признаков, в пользу которого свидетельствуют малые коэффициенты функциональной корреляции этих признаков между собой. Адаптивный фактор играет в расообразовании большую роль. Адаптивность расообразовательного процесса в связи с дискретным характером географической среды приводит к необходимости выделить в пределах ойкумены очаги расообразования, т. е. зоны, в которых расообразовательные процессы имеют определенную интенсивность и определенное направление.

Ю. Г. Рычков (СССР) доложил о результатах исследований групп крови у населения Центральной и Восточной Сибири. По его мнению, гипотеза генного дрейфа в условиях изоляции лучше объясняет панэйкуменное распределение серологических характеристик, чем гипотеза естественного отбора, которая имеет лишь ограниченное значение в применении к группам крови. Против точки зрения Ю. Г. Рычкова выступил Р. Ньюмен (США), утверждавший, что гипотеза естественного отбора хорошо объясняет вариабильность многих признаков в пределах человеческого вида по всему земному шару. В ответном выступлении Ю. Г. Рычков привел примеры вариаций, которые невозможно объяснить только действием естественного отбора.

Проблема грани между животным и человеком, служившая предметом обсуждения на специальном симпозиуме, имеет важное теоретическое и методологическое значение, так как рассматривает момент выделения человека из животного мира и формирования его качественных особенностей — прежде всего сознания и трудовой деятельности. В зарубежной антропологии в последнее время проявляется тенденция наделять ископаемых приматов типа южноафриканских австралопитеков способностью к изготовлению орудий труда и переводить таким образом трудовую деятельность в чисто биологическую сферу. Против таких концепций выступают советские ученые. Так, К. Э. Фабри говорил о качественных отличиях орудийной деятельности животных и трудовой деятельности человека, влиявшей на формирование всех его отличительных физических и психических признаков и обеспечившей ему господство над природой. Основываясь на собственных опытах, он утверждал, что самые высшие достижения человекообразных обезьян не выходят за рамки биологической адаптации, тогда как трудовая деятельность человека — сознательная общественная деятельность. К. Э. Фабри полагает, что трудовая деятельность человека связана с явлением ароморфоза.

В. И. Кочеткова в своем выступлении отметила, что переход от животного состояния к человеческому отразился на архитектонике эндокрана и связан с появлением нового звена в рефлекторной схеме древнейших людей; в связи с этим увеличивается объем мозга и изменяется его структура. В. И. Кочеткова считает обязательным для раннего гоминида наличие в его культуре орудий закрепленной формы. По мнению Г. Ф. Хрустова, сущность человека заключается в его деятельности, и морфология дает ему возможность такой деятельности.

Содержательным было выступление Дж. Хьюза (США), говорившего о важности для эволюции человека перехода приматов к двуногому хождению, что связано, по его мнению, с необходимостью переноса пищи. Он привел интересные случаи бипедализма у современных обезьян.

Б. Чиарелли (Италия) и К. Ришкуня (Румыния) остановились на отличиях хромосомного набора у современных обезьян и человека и возможных путях возникновения человеческого кариотипа.

Подводя итоги симпозиума, В. П. Якимов отметил, что идеи о качественном отличии человека, проявляющемся в его трудовой деятельности, сейчас получают широкое распространение и в зарубежной антропологии и это является хорошим стимулом для дальнейших исследований в области эволюции человека.

Зарубежные и советские ученые, участвовавшие в работе симпозиумов, признали, что выдвинутые проблемы очень важны и актуальны и обсуждение их было весьма полезным и плодотворным.

В. К. Соколова